

УДК 929(470) Примаков Е.
ББК 63.3(2Рос)-8 Примаков Е.
М72

Млечин, Леонид Михайлович.
М72 Евгений Примаков. Человек, который спас разведку / Леонид Млечин. — Москва : Алгоритм, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-906995-80-3

Академик Евгений Примаков — одна из самых ярких фигур российской политической жизни. Примаков был главой Службы внешней разведки, министром иностранных дел, председателем Совета министров. Невероятно популярный, он даже считался самым вероятным кандидатом в президенты страны.

В книге Леонида Млечина рассказывается о тайных миссиях Евгения Примакова на Ближнем Востоке. Это и встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, прославившимся громкими терактами, и посредничество между лидером курдов Мустафой Барзани и правительством Ирака, и его неофициальные визиты в Израиль после разрыва дипломатических отношений СССР с этой страной, и подготовка переговоров между Сирией и Ираком, между Египтом и Израилем.

Возглавив российскую разведку, Примаков не только воспрепятствовал ее вливанию в общую структуру госбезопасности, но и вернул элитной спецслужбе былую мощь, не только сформулировал новую доктрину, отменявшую борьбу с «мировым империализмом на всех фронтах» и сводившуюся к приоритету национальных интересов, но и модернизировал СВР, сделав основную ставку на аналитику.

УДК 929(470) Примаков Е.
ББК 63.3(2Рос)-8 Примаков Е.

ISBN 978-5-906995-80-3

© Млечин Л., 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Млечин Леонид Михайлович

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

Человек, который спас разведку

Редактор *С.В. Чертопруд*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.01.2018.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906995-80-3

«Я ГОТОВ ПОДПИСАТЬ ЭТОТ УКАЗ»

В один из последних дней декабря 1991 года автомобиль президента России в сопровождении машин охраны выехал из Кремля и на большой скорости помчался на юго-запад столицы. Президента ждали в большом комплексе зданий, которые не нанесены на карту города и не имеют почтового адреса.

Борис Ельцин пожелал посетить разведывательный городок, расположившийся в столичной окраине Ясенево. Решалась судьба внешней разведки страны и ее нового начальника академика Евгения Максимовича Примакова.

Советский Союз еще не прекратил свое существование. Табличка с именем Михаила Сергеевича Горбачева висела на двери главного в Кремле кабинета, хотя власти у него почти не осталось. Людям трудно было себе представить, что через несколько дней повесят новую — «Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин». И не только у нас в стране, во всем мире с трудом будут привыкать к тому, что на политической карте больше нет такого государства — СССР, а появилось много новых республик.

Еще всем было не ясно — какой станет Россия? Как сложатся ее отношения с ближними и дальними соседями? Какие органы управления ей понадобятся? И нужна ли, в частности, внешняя разведка? Некоторые страны вполне без нее обходятся и процветают. Помощники российского президента, молодые и динамичные, формировали органы государственного управления и подбирали в правительство новых людей. Старый аппарат собирались разгонять.

Формально существовал Российский республиканский комитет госбезопасности. Он появился 6 мая

1991 года, когда председатель КГБ Владимир Александрович Крючков и председатель Верховного Совета РСФСР России Ельцин подписали совместный протокол. Но дальше бумаги дело не пошло. В российском комитете служило несколько десятков человек, никакой власти у них не было, все областные управления по-прежнему подчинялись союзному КГБ.

Председателем российского КГБ стал произведенный в генерал-майоры Виктор Валентинович Иваненко, профессиональный чекист, до этого заместитель начальника инспекторского управления союзного комитета госбезопасности. Начальником разведывательного управления КГБ РСФСР утвердили генерал-майора Александра Титовича Голубева. В конце 1991 года теоретически генерал Иваненко и его коллеги рассчитывали принять под свое руководство союзные органы госбезопасности.

4 сентября последний председатель КГБ СССР Вадим Викторович Бакатин издал приказ, которым передал в подчинение российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России. За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов.

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности России. Его возглавил генерал Виктор Иваненко. Теперь уже шел раздел центрального аппарата госбезопасности. Иваненко достались наиболее жизнеспособные подразделения старого КГБ, включая службу наружного наблюдения и управление оперативной техники.

Но Иваненко, человек открытый и откровенный, оказался плохим царедворцем. Он не принадлежал к личной команде Ельцина. Его оттеснили очевидные фавориты Бориса Николаевича, которые в штыки встретили чужака. В результате Иваненко быстро потерял должность. Министром безопасности стал Виктор Павлович Баранников, милицкий генерал, который во время августовского путча активно поддержал Ельцина.

18 декабря 1991 года Ельцин подписал указ о создании самостоятельной российской Службы внешней разведки,

которая выделялась из состава первого главного управления КГБ СССР. Начальник первого главка Примаков позвонил Борису Николаевичу и задал резонный вопрос:

— Кто будет осуществлять указ?

— Это не телефонный разговор. Приходите, поговорим.

Примаков приехал к президенту России, который еще сидел на Старой площади, а не в Кремле.

— Я вам доверяю, — сказал Ельцин, — пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

Примакова задело, что Ельцину кто-то наговорил о плохом отношении к нему в разведке:

— Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и закончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

— Хорошо, — согласился Ельцин, — я встречусь с вашими заместителями.

Примаков предложил:

— Некоторых замов я уже сам назначил. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством — это сорок-пятьдесят человек.

Ельцин столь же неожиданно согласился:

— Заезжайте завтра в десять утра и вместе поедем к вам в Ясенево.

Ясенево — московский район, куда в семидесятых годах перебралась с Лубянки внешняя разведка; здесь для нее построили целый городок.

Евгений Максимович Примаков тогда не знал, что Ельцин уже почти твердо решил назначить другого начальника разведки.

Академик Александр Николаевич Яковлев, недавний член политбюро, участвовал в последней беседе Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, когда первый и последний

президент СССР передавал дела первому президенту России. Воспользовавшись тем, что Горбачев на минуту вышел, Яковлев завел разговор о Примакове. Ему кто-то передал, что Ельцин собирается поставить во главе разведки своего человека. Яковлев прямо спросил об этом Ельцина. Тот неохотно ответил, что, по его сведениям, Примаков склонен к выпивке.

— Не больше, чем другие, — заметил Александр Николаевич. — По крайней мере, за последние тридцать лет я ни разу не видел его пьяным. Может быть, вам стоит съездить в разведку и посмотреть своими глазами?

Ельцин несколько удивленно посмотрел на Яковлева, но ничего не сказал. Видимо, он запомнил этот совет. Разговор о пристрастии Примакова к выпивке был всего лишь неуклюжим предлогом. Во-первых, в глазах Ельцина злоупотребление горячительными напитками никогда не было особым грехом. Во-вторых, он легко мог навести справки и убедиться в том, что Евгений Максимович, как человек, выросший в Тбилиси, любит застолье, но, как тбилисский человек, никогда не теряет голову...

В тот день в 10:40 утра в кабинете Примакова в Ясеново собрались руководители всех подразделений разведки. На них появление Ельцина произвело большое впечатление. Он был первым главой государства, который приехал в разведку. Еще вполне здоровый, решительный и жизнерадостный Ельцин в своей привычной манере рубил фразы:

— Раз создается новая организация... А будем так считать... Раз страна другая... То заново должен быть назначен и директор разведки... А будет ли это Примаков... Или кто другой... Это вы сейчас должны решить сами... Одни говорят — Примаков на месте. Другие говорят — он некомпетентен, здесь нужен профессионал... Посоведуемся...

Борис Ельцин не скрывал того, что некоторые люди — из его окружения или имевшие к нему прямой доступ — считали, что Примакова нужно менять, он человек старой команды и плохо впишется в новую — и даже предлагали президенту другие кандидатуры. Но Ельцин, чье слово тогда на территории России было решающим, намеревал-

ся поступить демократично. Пусть сотрудники разведки сами скажут, какой начальник им нужен.

— Словом, вот как вы сейчас скажете... Так и будет, — пророкотал Ельцин. — Прошу высказываться. Кто начнет?

Я спрашивал потом, что же было написано на лице Примакова в тот момент, когда Ельцин предложил его подчиненным решить судьбу своего начальника? Напряженность? Волнение? Фаталистическое спокойствие? Деланное равнодушие?

Говорят, что он держался очень достойно. К тому времени он проработал в разведке меньше трех месяцев. Горбачев-то ценил Примакова, но мнение бывшего президента теперь могло ему только повредить.

Взаимная нелюбовь бывшего первого президента СССР и первого президента России не угасла и после отставки Горбачева. Никакой горбачевец не мог в принципе нравиться новым обитателям Кремля. Ельцин не забыл и не хотел забыть, что и как в течение нескольких лет, начиная с февральского (1988 года) пленума ЦК КПСС, на котором он был выведен из состава кандидатов в члены политбюро, а затем и снят с должности первого секретаря московского горкома, делал с ним генеральный секретарь. Горбачев был уже поверженным, но все еще врагом. Людей Горбачева воспринимали как перебежчиков из вражеского лагеря, доверять которым нельзя. Наверное, был и циничный расчет — чем больше горбачевцев убрать, тем больше высоких должностей освободится.

Примаков занял место начальника разведки достаточно неожиданно. Хотя говорили, что Евгений Максимович всю жизнь носит погоны под штатским костюмом — в этом уверены не только за рубежом, но и в нашей стране. Считается, что Примаков начал карьеру разведчика на Ближнем Востоке под крышей корреспондента «Правды».

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Служба внешней разведки неустанно опровергает эти слухи, хотя и без особого успеха — просто потому, что публика не верит официальным опровержениям. Когда Примаков стал главой правительства, английские журналисты, не поленившись, пролистали старые подшивки «Правды» за те годы, что он работал корреспондентом на Ближнем Востоке, чтобы выяснить, как часто он печатался. Они увидели, что его статьи появлялись отнюдь не каждый день. Ага, решили англичане, тогда все ясно: он разведчик, поэтому у него просто не было времени писать в газету...

Дотошные англичане промахнулись, потому что плохо знают нашу жизнь. Это в западных газетах корреспондент из-за рубежа пишет каждый день. «Правда» держала корреспондентов по всему миру, газетной площади для всех не хватало, и пробиться на полосу было невероятно трудно. Писать из Египта каждый день не было никакой необходимости.

Понять, что Примаков не был сотрудником КГБ, можно еще и потому, что некоторое время он был просто «невъездным», за границу его не выпускали. И лишь Николай Николаевич Иноземцев, заместитель главного редактора «Правды», добился, чтобы он стал «выездным», что в то время было очень важным. Ездить за границу Примаков стал с 1965 года. Его хотели отправить в долгосрочную командировку в Кению в роли советника вице-президента. Уже состоялось решение ЦК КПСС, без которого советский человек не мог поехать за границу. Но в конце концов поездка не состоялась — изменилась обстановка в Кении, и Примаков не получил визы.

Зато вскоре он отправился корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он побывал почти во всех странах Арабского Востока — в Египте, Сирии, Судане, Ливии, Ираке, Ливане, Иордании, Йемене, Кувейте. Уже потом, уйдя из «Правды» и работая в институте, он в первый раз поедет в Соединенные Штаты, побывает в Европе. Начнется другая жизнь...

Надо понимать, что не так уж сложно выявить кадрового сотрудника внешней разведки. Каждый из них должен был исчезнуть из поля зрения друзей и знакомых хотя бы на год, а чаще на два года — это время обучения в разведывательной школе. Через эту школу прошли все, кого брали на работу в первое главное управление КГБ СССР — внешнюю разведку.

В трудовую книжку начинающему разведчику вписывают какое-то благопристойное место работы, но в реальности человек буквально исчезает, потому что занятия в разведшколе идут с понедельника по субботу. Живут начинающие разведчики там же, на территории школы, домой их отпускают в субботу днем, а в воскресенье вечером или в крайнем случае в понедельник рано утром они должны быть в школе.

При таком обилии друзей многие бы обратили внимание на то, что Примаков куда-то исчез — да не на день-другой, а на целый год! Надо еще и понимать, что по своим анкетным и физическим данным студент института востоковедения Примаков вряд ли мог заинтересовать кадровиков министерства государственной безопасности (МГБ существовало до марта 1953 года, когда было создано единое министерство внутренних дел, а с марта 1954-го уже существовал Комитет государственной безопасности).

Могли Примакова, когда он поехал корреспондентом на Ближний Восток, привлечь к сотрудничеству с КГБ в качестве агента?

По инструкции, существовавшей в комитете госбезопасности, запрещалась вербовка сотрудников партийного аппарата. Что касается центрального органа партии —

газеты «Правда», то рекомендовалось воздерживаться от оформления сотрудничества с правдистами и использования корпунктов «Правды» в качестве крыши для разведывательной деятельности.

Виктор Григорьевич Афанасьев, которые многие годы был главным редактором «Правды», писал в своих воспоминаниях:

— Рассказни о том, что в «Правде» было много людей в синих погонах, не соответствующих действительности. За двадцать лет моей работы в газете был только один случай, когда корреспондента «Правды» выслали из страны пребывания за «недозволенную деятельность».

Другое дело, что практически каждый корреспондент, работавший за границей, поддерживал те или иные отношения с резидентурой советской внешней разведки — как минимум делился информацией. Иногда отношения с резидентурой не складывались.

Виктор Афанасьев:

— Стоило Владимиру Большакову, который был корреспондентом «Правды» в Австралии, сказать пару нелицеприятных слов по адресу посольских гебистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву. Ему инкриминировали связь с женщиной — агентом ЦРУ. Допускаю, что «связь с женщиной» в далекой Австралии и могла, как говорится, иметь место, но абсолютно убежден, что Володя Большаков как агент ЦРУ — чушь собачья... Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные поездки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство...

Так был ли Примаков связан с разведкой, когда он работал на Ближнем Востоке?

Академик Яковлев, бывший член политбюро и бывший посол в Канаде, ответил мне так:

— Он был связан, как весь народ наш был связан. Когда я был послом в Канаде, это происходило так. Идешь на встречу с канадским министром, вернешься, обяза-

тельно резидент или оба (то есть еще и представитель во-енной разведки присоединяется) сразу начинают расспрашивать. Им хочется послать шифровку в Москву раньше, чем я свою телеграмму в МИД отправлю. И они, наверное, к моей информации свою присобачивают.

Мы с Примаковым на эту тему не говорили, но могу себе представить, как было дело, говорил Яковлев. Примаков был корреспондентом «Правды». Корреспондентов везде пускают, вот его после какой-то интересной беседы наши чекисты и расспрашивали... Вовсе он не агент, и не в кадрах. Но не хотел ссориться с резидентом, или вообще были товарищеские отношения. Резиденты народ не-глупый. Это же не контрразведка, а разведка...

Как правило, журналисты-международники старались дружить с КГБ. Это давало какую-то гарантию. Стать невыездным было легко, а вернуть это право — невероятно трудно.

Я работал во внешнеполитическом журнале «Новое время», где в советские времена редакторы двух ведущих отделов были невыездные. Оба позволили себе в большой компании сказать что-то «политически незрелое», это разозлило чекистов, и в зарубежные командировки их не пускали. У обоих были высокопоставленные знакомые, у одного друг стал помощником самого председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова, но никто не хотел рисковать собственной карьерой и просить за невыездного товарища.

Тесное общение с резидентурой имело свои плюсы. КГБ мог и помочь. Если были хорошие контакты с комитетом, то резидент получал указание встретить прилетевшего из Москвы человека, помочь ему, дать машину с водителем, переводчика. Например, приезжающим в социалистическую ГДР глава представительства КГБ или его заместитель разрешал съездить в капиталистический Западный Берлин — сходить в кино, что-то купить в хорошем магазине.

Иногда нужным людям, которые вовсе не являлись агентами, даже давали перед поездкой за рубеж в качестве добавки к командировочным небольшую неподотчетную сумму в долларах — личный подарок от председателя КГБ.

Словом, как и очень многие корреспонденты, Примаков, вероятно, помогал нашим разведчикам. Но в кадрах КГБ (до назначения в 1991 году начальником внешней разведки) он не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности тоже не числился.

Почему же Примакову упорно приписывают службу в КГБ? Возможно, потому что он выполнял в семидесятые годы некоторые деликатные миссии за границей. Это действительно были особые задания, но не разведки, а ЦК КПСС.

«Я выполнял ответственные поручения политбюро, — пишет Примаков. — Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать комитету госбезопасности».

О своем участии в тайной дипломатии Евгений Максимович рассказал в книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX века — начало XXI века)».

В 1970 году он ездил в Бейрут для встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, который прославился громкими терактами. Это он придумал захватывать самолеты и превращать пассажиров в заложников. Это ему мир обязан таким количеством трагедий. Примакову поручили передать Жоржу Хабашу мнение советского руководства: захват самолетов нецелесообразен, потому что «сплачивает население вокруг по израильского правительства».

Такие же деликатные миссии Евгений Максимович исполнял в других странах. Он рассказал, как летом 1971 года его пригласил генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин и сказал:

— На заседании секретариата ЦК возник вопрос, почему нет информации от Примакова по Египту. Мне поручено направить тебя на месяц на Ближний Восток в качестве специального корреспондента ТАСС.

После смерти многолетнего главы Египта Гамалы Абдель Насера в стране происходили большие перемены. И Примаков увидел, что новый президент Анвар аль-Садат быстро расстается с наследием своего предшественника и отходит от тесных отношений с Москвой. Советский посол в Каире не согласился с выводами Евгения Максимовича:

— Вы приехали на несколько дней и делаете сногсшибательные выводы, а я на неделе пять раз встречаюсь с Садатом и, поверьте мне, лучше вас знаю обстановку.

Посол отказался отправить написанные Примаковым шифровки в Москву:

— Я не хочу дезинформировать руководство.

Евгений Максимович улетел в Бейрут, и оттуда отправил свои шифротелеграммы.

Примакову благоволил влиятельный референт Брежнева Евгений Матвеевич Самотейкин, в прошлом сотрудник министерства иностранных дел. Самотейкин в меру возможности поддерживал самостоятельно мыслящих людей, заказывал им записки на самые деликатные внешнеполитические темы, что позволяло ему предлагать своему шефу оригинальные идеи. В июле 1971 года он попросил Примакова набросать новые предложения в отношении советской политики на Ближнем Востоке. Примаков в осторожной форме рекомендовал «некоторые инициативные шаги в отношении Израиля», с которым Советский Союз разорвал дипломатические отношения после шестидневной войны.

Разумеется, арабские страны были рады разрыву. Тем более, что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии

играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет дипломатических отношений с Израилем.

Евгений Самотейкин передал записку Примакова Брежневу, который ее одобрил. Леонид Ильич сам считал, что разрыв отношений с Израилем был шагом эмоциональным и потому недальновидным. Но как их восстановить, если в Москве заявили, что это станет возможным только после полного ухода израильской армии с завоеванных во время войны территорий?

Сторонником налаживания секретного канала связи с еврейским государством был председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. В аппарате КГБ не раз предпринимали попытки самостоятельно, в обход министерства иностранных дел, заниматься внешней политикой. Особые отношения КГБ установил с правительством ФРГ, когда канцлером был Вилли Брандт. Пытались наладить доверительный канал связи с государственным секретарем США Генри Киссинджером, но эту акцию сорвал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который конкуренции не терпел и ревниво относился к любым попыткам вторгаться в его епархию. Что касается Израиля, то в данном случае Громыко не возражал против активности КГБ. Отсутствие дипломатических отношений исключало участие министерства иностранных дел.

Тайные контакты были поручены Примакову. Организационную сторону взял на себя КГБ. Миссия была важной, утвержденной решением политбюро от 5 августа 1971 года. Евгения Максимовича принимали и Андропов, и Громыко.

Евгений Максимович был заместителем директора академического института, то есть не занимал государственной должности, считался представителем общественности: это исключало демарши со стороны арабских стран, если бы сведения о тайном канале с Израилем стали достоянием гласности.

С августа 1971-го по сентябрь 1977 года Примаков тайно приезжал в Израиль или встречался с израиль-

скими представителями в столице Австрии. Его собеседниками были руководители страны — премьер-министр Голда Меир и министр иностранных дел Абба Эбан, потом новая команда — премьер-министр Ицхак Рабин, министр иностранных дел Игаль Алон, министр обороны Шимон Перес.

Израильтян, конечно, прежде всего интересовало, кого представляет Примаков, каковы его полномочия. Он отвечал, что «направлен в Израиль с неофициальной и конфиденциальной миссией советским руководством», но не имеет полномочий обсуждать вопрос о восстановлении дипломатических отношений.

Идея состояла в том, чтобы убедить еврейское государство покинуть занятые в ходе шестидневной войны 1967 года территории — сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Взамен предлагались международные гарантии безопасности Израиля, но Примаков быстро понял, что израильтяне считают такого рода гарантии пустой бумажкой, которая не спасет их в случае нападения арабских стран. Премьер-министр Голда Меир напомнила Примакову, как легко в 1967 году были выведены с Синайского полуострова войска ООН, разъединявшие Израиль и Египет, когда этого потребовал президент Насер.

Андропов и Громыко предложили согласиться с идеей израильтян «расширить консульскую секцию посольства Нидерландов в Москве». Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений интересы Израиля в Советском Союзе представляло голландское посольство. Имелось в виду, что в составе консульской секции посольства в Москве появятся израильские дипломаты и это упростит диалог. Но остальные члены политбюро отвергли предложение председателя КГБ и министра иностранных дел.

Слепая ненависть к еврейскому государству лишала Советский Союз возможности играть более важную роль на Ближнем Востоке. Понимая, что Москва не имеет возможности помочь ему договориться с Израилем, египетский президент Анвар аль-Садат обратился за содействи-